

Анн Бренон

Богомилы: катары Востока.

Pirenees cathares, 2004, p. 32-38.

перевод с франц. Наталии Дульневой

VUE DE LA
MOSQUÉE BLEUE ET
DE LA BASILIQUE
SAINTE-SOPHIE À
ISTANBUL.

Вид на Голубую мечеть и базилику святой Софии в Стамбуле.

Эти люди не почитают ни Бога, ни Матерь Божью, ни драгоценного распятия, ни святых тайн, ни икон, ни божественных храмов, ни святого крещения, ничего из того, что почитают и практикуют христиане. Но при этом они притворяются христианами и одеваются, как монахи и священники». Вот определение, которое прекрасно подходит катарам, но которое было дано богомилам Болгарии, «предшественникам» окситанских еретиков.

Христос возлагает корону на Константина VII, императора Восточной Римской империи. Византийский мастер X века.

Таинственные богомилы – ведь слово «богомил» ещё больше, чем слово «катар» вибрирует таинственным резонансом, и его экзотическое звучание вечно возбуждает эзотериков – долгое время считались недостающим звеном в цепи инициатического наследия, связывающей, как полагали, античный персидский дуализм (зороастризм, митраизм, манихейство) с западноевропейским средневековым катарским дуализмом. Это звено ставили сразу же после не менее таинственных павликиан (даже если название этих последних звучит лживо «классическим»). Сегодня мы знаем, что эта цепь наследия сомнительна, и что каскад гипотетических преемников был всего лишь определенным типом видения, одной из особо жестких структур «воображаемого здания» катаризма. Некоторые постмодернистские историки (Ж-Л. Биже) заходят еще дальше, без сомнения, слишком далеко, а ргіогі отрицая всякое родство и всякие связи, за исключением поздних, между богомилством и катаризмом – так же, как их предшественники (Жан Дювернуа, Ильва Хагман, Анн Бренон) отрицали всякую связь между манихейством и катаризмом.

Как латинское крыло средневекового христианства (западноевропейские монархии, объединенные вокруг Римского папства, «католическое» христианство), так и его греческое крыло (Болгарское царство, Византийская империя, Константинопольский патриархат, «православное» христианство), были знакомы с феноменом ереси. Но в отличие от того, чему долгое время верили, богомилы были не прямыми предками латинских катаров, а, конечно же, должны быть

признаны их греческими братьями. По-настоящему, богомилы не являются более ранними, чем катары. Их появление в истории фиксируется всего лишь на несколько десятилетий раньше, чем упоминание о латинских еретиках. И только турецкое завоевание под конец Средневековья стерло их из истории.

Чуть ранее, чем в западноевропейских хрониках эпохи Тысячелетия появляется образ еретика, *Слово* неистового опровержения, написанное около 970 года в Болгарском царстве священником по имени Козьма, дает нам точное и подробное описание, хотя и чрезвычайно искаженное, местных еретических групп, имевших все характерные для катаров черты. Одетые в монашеские одежды, выявляя набожность и благочестие, непрестанно цитируя Евангелие, эти еретики решительно отвергали предрассудки и таинства доминирующей Церкви, не веря ни в евхаристию, ни в человеческое воплощение Христа, исповедуя дуалистическую интерпретацию творения, и претендующие на то, чтобы связывать и развязывать, отпуская грехи, как настоящая христианская Церковь, причем это могли совершать и женщины. Будучи первым знаменитым обличителем ереси, Козьма уделяет большое внимание скандальной ситуации, которую представляет присутствие женщин в рядах

богомилы и нелепые их претензии на отпущение грехов. Подобным аргументам суждено было прекрасное будущее. Еретики называли себя богомилами, уверяет Козьма, по имени одного из своих главных проповедников, попа по имени Богомил – греческий аналог этого имени звучит как Теофил, или просто «любимый Богом». Однако позднейшие документы говорят нам о том, что богомилы, как и катары, называли себя исключительно христианами. Уже Козьма говорит о том, что они распространены по всему Болгарскому царству.

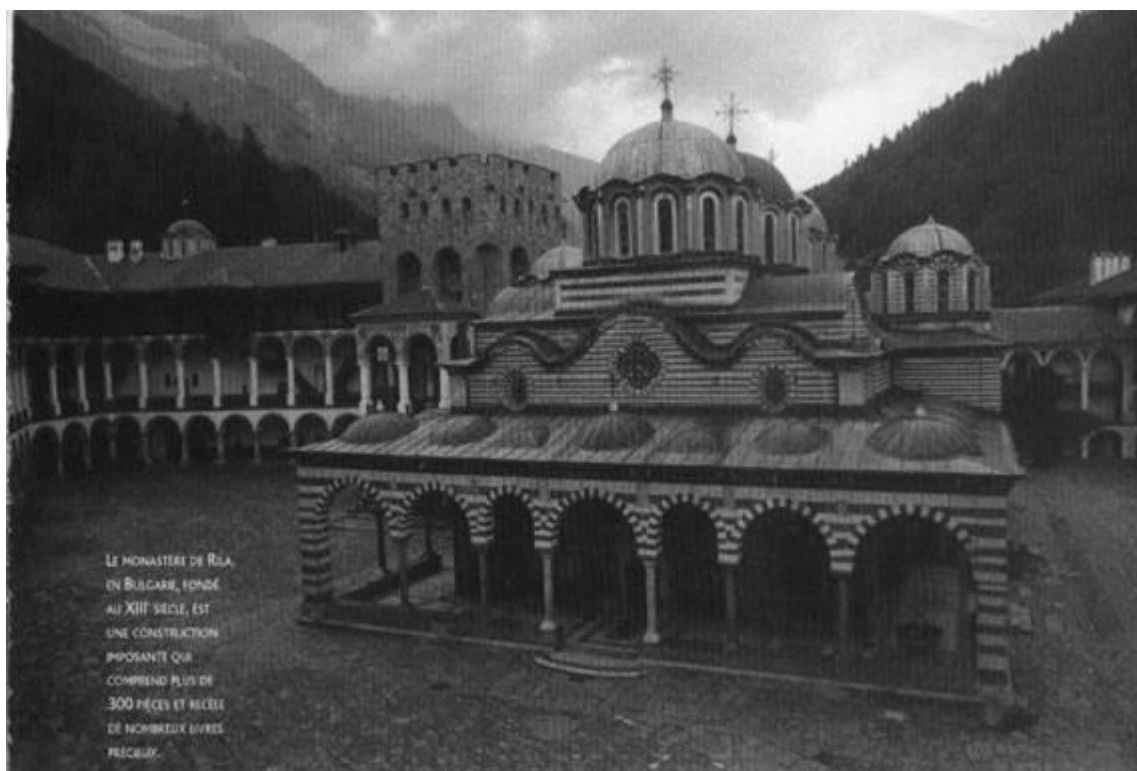
Фреска в часовне святого Николая в Софии, представляющая болгарского царя и его супругу.

Активное богомильство XI века

В эпоху, когда пресвитер изобличал еретиков, Болгарское царство – которое тогда занимало большую часть Балкан, и особенно Македонию – начало терять свою независимость, став мишенью захватнических appetитов своего могущественного соседа, Византийской империи. С 971 года, во время правления царя Бориса, был завоёван весь северо-восток. В 1018 году, после ожесточенных битв и множества поражений, все царство попало под имперскую власть. Болгария оставалась под византийским игом до 1185 года, но в первые годы XI века о богомильстве сообщают как об активном движении на территории

всей империи. Особенно сильно в Македонии, если верить письмам архиепископа Охрида, Феофилакта; в Малой Азии, и, согласно другим свидетельствам, даже в Константинополе.

Евфимий из Акмонии, монах из монастыря Периблетос в Константинополе, написал настоящий ядовитый антиеретический трактат под названием *Epistula Invectiva* – «Письмо с обличениями». Оно было написано около 1034 года и предупреждало о распространении еретиков по всей империи. Сам он был родом из Фригии (современная Турция), и хорошо знал еретиков, поскольку часто встречал их с самого детства, в Малой Азии, в первые годы столетия. Он очень красноречиво описывает этих бродячих проповедников, смуглых и бородатых, что-то наподобие странствующих монахов, объединенных в мужские и женские общины, и особенно одного из их предводителей, Иоанна Чуриллы, сурового, высокого и худого человека. Так и кажется, будто видишь описание *добрых людей*. Во вступлении трактата Евфимия из Акмонии упоминаются все названия, которые давали этим византийским еретикам: в западной части Империи (Греция, Болгария) их, как мы знаем, называли богомилами, а в провинциях Малой Азии их называли фаундагиатами – что просто означает «носители сумы», то есть странствующими монахами. Но сами они, как и западноевропейские *добрые люди*, ссылались исключительно на Христа, называя себя хриstopолитанами, «гражданами Христовыми»...

Рилский монастырь в Болгарии, постройка XIII века, является внушительным архитектурным сооружением, состоящим из трехсот помещений. Там также содержится множество драгоценных книг.

На момент написания трактата, став монахом в Периблетосе около 1030 года, Евфимий мог свидетельствовать: богомилы присутствуют в самом Константинополе, и собирают себе сторонников в монастырях и в аристократической среде.

Под конец XI века они были многочисленны среди хорошего общества столицы; об этом нам повествует относительно документальное досье процесса против одного из них, врача по имени Василий, осужденного вместе со своими учениками и казненного по приказу Алексия I около 1100 года. Анна Комнина, дочь базилевса, в *Хронике* славных дел правления своего отца, прекрасно описала Василия – тоже очень впечатляющий образ, худой, высокий и мрачный – и рассказала о событиях его поимки и процесса, а также его мученической смерти на костре на знаменитом ипподроме Константинополя. Мужественный и достойный конец, христианская смерть, вызывающая восхищение – подобно рейнским апостолам, которые разбередили душу аббата Эвервина де Стейнфельда в Кёльне в 1143 году. Та же принцесса Комнина замечает, что богомилов все равно много в Константинополе и они очень влиятельны. Их также много и в других городах, например, в Филиппополисе (нынешний Пловдив), болгарском городе на семи холмах. От богомильского ересиарха Василия, сожженного в Константинополе, мы знаем дуалистические верования и религиозную практику – особенно в области таинств – из обличительного учебника опровержения этих взглядов, написанного по приказу императора Алексия клириком Евфимием Зигабеном. Название этого трактата само говорит об антиеретической позиции его автора: *Panoplia dogmatica*, «Щит догматики».

Византийская икона конца XII века, представляющая евангелиста святого Матфея.

Эти три документальные вехи – Козьма, Евфимий из Акмонии и Евфимий Зигабен – представляют полную связную картину богомилства, как христианской Церкви «любимых Богом», которая явно выглядит как греческая сестра латинской Церкви катаров. Дуализм богомилов выражается так же явственно, как и дуализм катаров в изучении Нового Завета. Основная разница между двумя этими теологиями христианского дуализма лежит в области культуры. Вскормленное греческой и славянской религиозностью, богомилство иногда применяет мифологические образы, достаточно чуждые катаризму. К тому же, оставаясь вне сферы интеллектуального развития Западной Европы, богомилский дуализм, по-видимому, никогда не развился в схоластическую теологию двух начал (кульминацией которой в латинском катаризме стали рефлексии Джовани де Луджио), и остался умеренным – то есть скрытым и неоформленным дуализмом Евангелий.

Три византийских антиеретических трактата показывают нам, что богомилы для того, чтобы продемонстрировать основания в Писаниях своих дуалистических размышлений, особенно часто использовали евангельскую притчу о дурном управителе – который, с их точки зрения, был не кем иным, как Люцифером. Точно так же единственный текст богомилского происхождения, дошедший до нас

(интересно, что в латинском переводе, взятый у западноевропейских катаров) – точно отвечает тому, что Евфимий Зигабен рассказывает о теологии, исповедуемой врачом Василием. Речь идет о новозаветном апокрифе под названием *Interrogatio Johannis*, «Вопросы Иоанновы» или «Тайная Вечеря», где описаны откровения Христа Иоану, Его любимому ученику, по поводу творения мира. Эдина Бозоки, которая его изучала и опубликовала, показала, как этот текст – поздний для овозаветного апокрифа, потому что он датируется концом XI или началом XII века – принадлежит к традиции славянских апокрифов своего времени и не имеет никакого отношения ни к манихейству, ни к какой-либо другой восточной секте. Так же, как и катары, богомилы не были ни неоманихейцами, ни неоарианами, ни павликианами.

Богомилы, организованные в несколько автономных Церквей.

Катары и богомилы имели, скорее всего, общее происхождение. То, что они были Церквями-сестрами, видно из того факта, что те и другие следовали одному и тому же обряду и практиковали одно и то же таинство. Крещение покаяния Духом и возложение рук, которое смывало грехи и спасало душу, а также создавало нового христианина. То, что сохранилось от богомильского Ритуала (особенно в *Epistula Invectiva* Евфимия из Акмонии, исследованном Ильвой Хагман), представляет собой, и это особенно удивительно, кроме слов и ритуальных наставлений, аналог катарских Ритуалов и изложение практики таинства в два этапа: первый период катехумената и первое возложение рук (христианская инициация), а затем период послушничества и второе возложение рук (ординация). Эта практика абсолютно соответствует тому, что было у рейнских катаров в середине XII века, когда Эвервин де Стейнфельд описал их как разделенных на три группы: слушатели, верующие-послушники и христиане. И только под конец XII - начале XIII столетия, а возможно, в ответ на начавшиеся репрессии, западноевропейские катары, особенно в Окситании, объединили в одной церемонии всё собрание сакральных функций *consolament*.

Общины рейнских катаров первой половины XII века – наиболее ранние из зафиксированных – знали, что их братья живут во многих странах, в том числе и в Греции. Еретики, пойманные в Льеже и Кельне, гордо заявляли об этом католическим информаторам. За поколение до «пастырского визита» 1167 года Никиты, богомильского епископа Константинополя в западноевропейские общины и в Сан-Фелис, в Лаурагэ, они знали, что их ересь распространена по всему христианскому миру, латинскому и греческому, и особенно среди католического и православного клира. Впоследствии, в течение XII и XIII веков, появляются другие сведения, подтверждающие связи между Церквями-сестрами.

Никита, во время собрания 1167 года в Сан-Фелис, призвал *ex cathedra* общины западноевропейских катаров жить в мире между собой, как жили во времена апостола Павла «семь Церквей Азии» и как живут современные ему пять богомильских Церквей, которые он перечислил: Церковь Романии (Византия), Драговицы (Македония), Меленгии (Пелопоннес), Болгарии и Далмации. Некоторые западноевропейские документы XIII века, доминиканского и инквизиторского происхождения, дают другие детали, подтверждающие, что богомилство греческого христианства, как и латинский катаризм, было организовано в автономные Церкви. Каждая имела свой «орден», то есть традицию передачи таинства Духа, сосредоточенное в руках посвященного епископа и его коадьюторов.

София формировалась вокруг бывшего римского города. Ротонда церкви святого Георгия – одна из двух сохранившихся построек того времени.

Спорадические преследования.

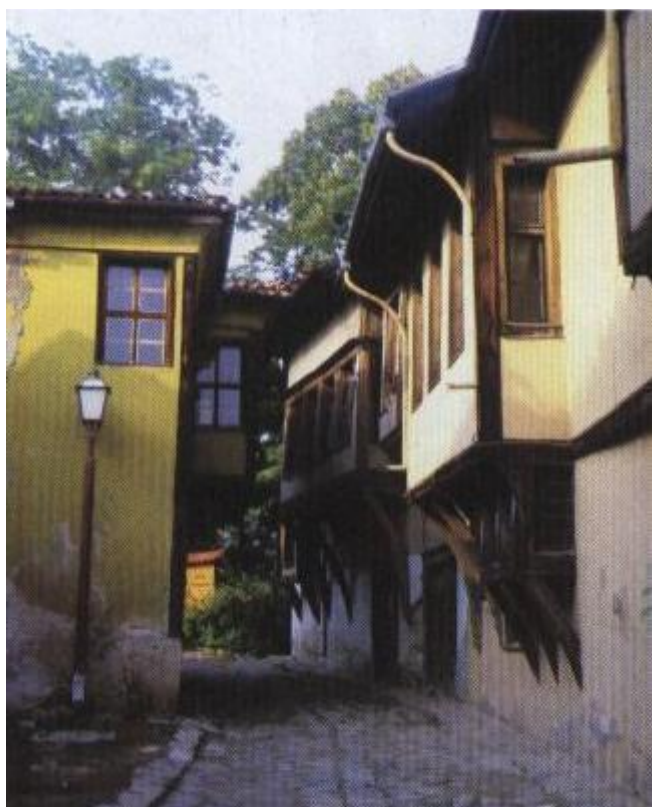
Из-за недостатка документов или доступа к ним, западноевропейским историкам довольно нелегко исследовать историю еретиков Византийской империи в следующие бурные столетия, когда на Восток вторглись латинские крестоносцы (вначале воюя с сарацинами в Святой Земле, а вскоре и с православными греками), а потом во время нарастания турецкой опасности.

Богомилы подвергались спорадическим преследованиям – со стороны политической власти базилевса, но практически никогда греческой православной Церкви, ограничившейся их отлучением. Парадоксально, но это отсутствие систематических преследований и инквизиторской бюрократии в Византии не позволяет нам практически ничего узнать о реальном социальном распространении богомилства.

Вскоре Болгарское царство, освободившись от византийского ига в 1185 году, первым попало в руки туркам: Пловдив был взят в 1360 году, а остальная страна под конец столетия. Остатки Византийской империи переживали упадок и анархию, и достались туркам в середине XV века (взятие Константинополя в 1453 году традиционно означает исторический конец Средневековья). Конечно же, стоит подробно изучить всё, что сохранилось от греческих, византийских и турецких оттоманских архивов. Но во время турецкой и мусульманской оккупации, по-видимому, как католические меньшинства Боснии бежали в Австрию, так, по крайней мере, часть богомилского христианского меньшинства Болгарии пытались бежать за Днепр, в Украину и Московию, где их последователи были известны до XVIII века под названием стригольники.

Посмертная судьба катаров Востока тоже достаточно сильно отличалась от судьбы их западноевропейских братьев. Освободившись в XIX веке от «турецкого ига», современная Болгария увидела в скромных еретиках настоящих национальных героев, символ славной независимости средневековых болгарских царств от византийских и турецких империалистических завоеваний. Сегодня им посвящены два больших зала в Национальном Болгарском музее в Софии. В исторических книгах и на университетских кафедрах богомилы с того времени заняли официальное место – что совсем не так в Окситании по поводу катаров...

Нужно также добавить, что в послевоенные годы Болгарская Социалистическая Республика создала историческую школу с марксистскими тенденциями, и принялась описывать богомилов не только как национальных героев, но и героев классовой борьбы. Богомилы превратились в сторонников крестьянской революции, бунтовавших против грабительского феодализма, в защитников бедноты и пролетариата от эксплуатации на огромных латифундиях богатых бояр. Еще стоит заметить, что, несмотря на всё это официальное признание, исторический образ богомилов не менее, чем их катарских братьев, пострадал от современной эзотерической мифологии: совершенно так же, как неогностические и антропософские общества Западной Европы начала XX века, Пётр Дейнов со своим «Белым братством» облек богомилов в измышления об инициатических мистериях и сущности реинкарнации. Впрочем, в этом нет ничего оригинального. Таинственные маги или предтечи Революции, какая разница? Но я не сомневаюсь, что рано или поздно болгарская медиэвистика обретет своего Жана Дювернуа, который создаст школу, способную написать, наконец, без комплексов и искусных сооружений историю богомильства в человеческом контексте (то есть, разумеется, в социальном, экономическом, политическом, но также и в религиозном) средневековых европейских ересей – и посмотрит на все источники новым взглядом.

Слева: улица города Пловдив. Справа: замечательный этнографический музей Пловдива.

Bogomile (ou Phoundagiates)
DRAGOVITIE Église Bogomile
 Présence attestée des Bogomiles
 Refuge des bogomiles de Bulgarie (Strigolnitsi) du XV au XVIIIème siècle

